

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени АЛЬ-ФАРАБИ

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВОДИДАКТИКА ЖӘНЕ АУДАРМАТАНУ:
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ДАМУ ТЕНДЕНЦИЯЛАРЫ
ғылыми және оқу-әдістемелік мақалалар
ЖИНАҒЫ

СБОРНИК

научных и учебно методических статей
ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВОДИДАКТИКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

MATERIALS

of scientific and methodological articles
PHILOLOGY, LINGUODIDACTICS AND TRANSLATION STUDIES:
ACTUAL ISSUES AND DEVELOPMENT TRENDS

Алматы
«Қазақ университеті»
2019

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті жанындағы шетел филологиясы және аударма ісі кафедрасы баспаға ұсынған.

Р е д а к ц и я л ы қ а л қ а:

Аймагамбетова М.М., Акимбекова Г.Ш., Қазыбек Г.Қ., Кенжеқанова Қ., Искакова Г.

Қ ұ р а с т ы р ғ а н:

филология ғылымдарының кандидаты, доцент Қазыбек Г.Қ.
филология ғылымдарының кандидаты Акимбекова Г.Ш.
PhD докторы Кенжеқанова Қ.К.

Филология, лингводидактика және және аударматану: өзекті мәселелері мен даму тенденциялары: халықаралық ғылыми және оқу-әдістемелік мақалалар жинағы. – Алматы: Қазақ университеті, 2019. – 216 бет.

ISBN 978-601-04-4119-4

Жинақ 2019 жылы 29 қарашада әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың шетел филологиясы және аударма ісі кафедрасында өткен «Филология, лингводидактика және және аударматану: өзекті мәселелері мен даму тенденциялары» атты халықаралық ғылыми және оқу-әдістемелік конференция материалдары негізінде дайындалды. Аударматану әдістемесі, әдеби байланыстар, көркем аударманы талдау мен бағалаудың және тіл білімінің өзекті мәселелеріне назар аударылады.

Аударматану әдістемесі мәселелерімен айналысатын мамандарға, жас ғалымдар мен студенттерге, магистранттар мен докторанттарға арналады.

ISBN 978-601-04-4119-4

© Әл-Фараби атындағы ҚАЗҰУ, 2019

ценностей [6,105]. Процессы социализации представляют собой необходимую питательную среду для формирования иноязычной коммуникативной компетенции являются центральным звеном в «системе усвоения языка через социализацию». Данный принцип реализуется путем преодоления противоречия между обучением в «жизнеподобных» ситуациях и необходимыми другими упражнениями.

Как показывает анализ литературы, коммуникативная ориентированность является стержнем, пронизывающим весь процесс обучения, а осознанность структуры языковых и речевых действий, целей, способов их достижения и результатов учебной деятельности делают обучающегося субъектом учебного процесса. Учебный процесс, в свою очередь, должен требовать и другого содержания, и другой организации, и других приемов обучения. Главное же, что необходимо для внедрения коммуникативности, – это психологическая готовность преподавателя, его убежденность в необходимости коммуникативности, его вера в эффективность данного направления. В конечном счете все зависит от преподавателя, без его усилий и мастерства любой прекрасный метод останется лишь добрым пожеланием.

Анализ фонда научной и специальной литературы по проблеме исследования показывает, что наилучшим образом соответствует потребностям реальных процессов коммуникации в условиях постоянно меняющихся контекстов прототипический принцип формирования категорий, отражающий идею плавного, непрерывного перехода от категории к категории. Суть этого принципа состоит в том, что в основе формирования категорий лежит понятие относительного сходства, или подобия, когда все члены категорий оцениваются по отношению к их прототипу, т.е. по степени их обладания прототипическими свойствами.

Список использованных литератур

1. Пассов Е.И. и др. Учитель иностранного языка: Мастерство и личность / Пассов Е.И., Кузовлев В.П., Царькова В.Б. – М.: Просвещение, 1993. – 159 с.
2. Педагогика: словарь системы основных понятий. – М.: М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. – 268 с.
3. Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе.– М., 1988. – 40 с.
4. Леонтьев А.А. Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии: Учебно-справочное пособие. – М.: Моск. псих.-соц. ин-т: Флинта, 1998. – 312 с.
5. WIDDOWSON H.G., Learning Purpose and Language Use -Article (PDF Available) *in* Ilha do Desterro 5(11) - April 2008
6. Мильруд, Р.П. Теоретические и практические проблемы обучения пониманию коммуникативного смысла иноязычного текста / Мильруд, Р.П. // Иностр. яз. в шк. - 2003. - №1.-С.12-18. - С. 2003

ФИЛОСОФИЯ МИФА И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ПРОЗЫ)

Э.Т. Жанысбекова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Алматы, Казахстан

Ключевые слова: миф, неомиф, коллективное сознание, художественное произведение, символ, культура.

Введение. Являясь одним из центральных феноменов в истории искусства и литературы и древнейшим способом восприятия окружающей действительности и человеческой сущности, а также первичной моделью всякой идеологии и различных видов культуры – литературы, искусства, религии и философии, миф в течение многих столетий привлекал к себе внимание ученых.

В центре внимания оказывается миф как значимая антропологическая категория. Осмысление современной социокультурной ситуации всё чаще приводит к необходимости исследования феномена мифологического сознания, обуславливающего особенности мировоззрения и социального поведения человека. Стремление понять сущность мифологических представлений о мире, рассмотреть их влияние на развитие культурного универсума, раскрыть внутренние механизмы функционирования мифа в культуре главным образом связано с осмыслением бытия человека в мире культуры.

Таким образом, в силу целого ряда причин в философии, искусстве и литературе складывается

новый тип мифа, являющийся продуктом индивидуального, рефлексивного сознания, не только воспроизводящего черты архаического коллективного мифа. Развитие науки и техники показало, что мир не такой, каким представляли его прежде. В современном обществе возникла необходимость в создании новых мифов. Многообразие форм и способов взаимодействия мифа и литературы характеризует современный мировой литературный процесс, в котором феномен неомифологизма представлен особенно ярко. Миф в литературе понимается как категория формально-содержательная: как способ организации текста, одновременно явление семантики, подтверждение оригинального стиля самого автора. Мифы получают сюжетное оформление и трансформируются в сюжеты произведений литературы. Миф оказался необходимым условием культуры и художественного сознания XXI и XXII веков.

Современная литература очень богата условно-метафорическими формами. Условно-метафорические формы применялись в литературе издревле, так как миф – начало ее начал, являющийся вечным примером и сравнением для всего художественного творчества. Функция мифа в литературе в том что, он является инструментом структурирования, т.е. художественный прием. Прием, который позволяет систематизировать произведение. Как утверждает С.М. Телегин: «Миф используется в качестве «рамы», «матрицы», т.е. средства вмещения материала» [1, 5].

В казахской литературе мифологические тенденции четко стали проявляться на рубеже 60-70х годов XX века. В своих произведениях авторы А. Жаксылыков, А. Кемельбаева, Д. Накипов, О. Бокеев, А. Алтай и др. используют как новые формы повествования, так и новые художественные приемы описания действительности. Литературные произведения данного времени приобретает особое новое качество. Часто именно казахские писатели обращаются посредством фольклора к мифу, ведь фольклор развивается из мифологии и содержит мифологические элементы. В архаических социумах фольклор, как и мифология, носит коллективный характер, т.е. принадлежит сознанию всех членов определенного социума. Именно фольклор, являлся неотъемлемой частью мифологии в понимании казахского народа. Они нашли воплощение в литературных произведениях современных казахских писателей. Это во многом экспериментальная площадка для апробирования различных методов, стилей и жанров, их скрытой и явной диффузии. Соответственно, мифологические мотивы, т.е. условно-метафорические формы, в генезисе литературных сюжетов играют важную роль. Автор, возвращаясь к мифу, создает свое новое видение мира через призму мифа, его смыслы и структуру. Как отмечает Ч. Айтматов: «Миф – это фон. Однако на этом фоне, мы пытаемся проследить всю свою жизнь. Это опора, а не прием» [2, 44]. Конструируя мифологическую модель, авторы используют древние философские системы, чаще всего восточные и суфийские. Они выстраивают законченную систему мотивов и мифологем, указывающие на наличие некоторой версии вечности как оппозиции окружающему героям «крошечному миру», когда выстраивается традиционная мифологическая оппозиция: хаос – космос, белое – черное и т.д. На ее основе складывается ключевой образ неомифологической прозы – условная реальность, которая замещает реальный мир в сознании героев.

Миф в современной литературе

Автор, обращаясь к античной мифологии, переносит мифологическую структуру в ткань своего произведения, и таким образом создает неомиф уже в контексте своей культуры, отвечая на вопросы современного общества. Вот, что по этому поводу пишет К.Г. Юнг «тяга к вечным образам нормальна, для того они и существуют. Они должны привлекать, убеждать, очаровывать, потрясать. Они созданы из материала откровения и отображают первоначальный опыт божества. Они открывают человеку путь к пониманию божественного, и одновременно предохраняют от непосредственного с ним соприкосновения. Благодаря тысячелетним усилиям человеческого духа эти образы уложены во всеохватывающую систему мироупорядочивающих мыслей» [3, 102].

Адаптируясь в местной среде, казахи жили в гармонии с природой, понимая небо, землю, животное, растение и человека как единое целое. Именно для кочевника животное служило другом, спутником, пищей, одеждой. Почитание определенной местности и животного послужило образованию космогонических мифов, тотемизма, шаманизма и других ритуально-символических систем. Первопредком, тотемом тюрков была волчица. Согласно легенде, «оставшегося в живых девятилетнего мальчика выкормила волчица. Обитая на Алтае, она рождает от него сыновей. Вот как начинается род племени Ашина» [5, 96]. Антропогонические мифы тюркских народов часто выступают центральным мифопоэтическим концептом, отраженным во многих последующих фольклорных образцах, а также в художественной литературе. Какие-то черты сходства у себя и какого-то животного (или растения) становились толчком для возникновения комплекса. Позднее это ментальное явление осмысливается как происхождение от этого тотема-первопредка. Тотемизм

является религией первобытного общества. Д.Е. Хайтун дает такое определение: «Тотемизм является религией возникающего рода и выражается в происхождении рода от предков, представленных в виде фантастических существ – полулюдей-полуживотных, полурастений или объектов неодушевленной природы или людей, животных и растений одновременно, обладающих способностью реинкарнации. Родовая группа носит имя, породы тотемного животного, вида растений или предмета неодушевленной природы и верит в родство с тотемным видом и в воплощении тотема в членов рода и обратно» [6, 59].

Казахские писатели, опираясь на фольклорные образы, как художественно-эстетическое отображение мира, тем самым апеллируют к священному знанию о мире и предмету веры – мифу, ведь фольклор развивается из мифологии и содержит мифологические элементы.

Казахская художественная литература последних лет более достоверно говорит о казахской мифо-фольклорной традиции, нежели чисто мифологической. В творчестве казахских писателей, пишущих на казахском языке, очевидны, во-первых, типологические генетические связи между фольклором и мифологией, и во-вторых, подняты вопросы национально-культурной идентичности.

Аскар Алтай – современный казахстанский писатель, который был удостоен высших литературных наград. Рассказ «Кентавр» в определенной степени является автобиографическим произведением, так как в этом романе, как и в других произведениях этого автора, действие разворачивается на фоне уникальной природы Алтая, где он родился и вырос. В одном из интервью он рассказывает, что в детстве часто ходил на охоту с отцом. В произведениях Алтая подробно описываются повадки обитающих на Алтае зверей и уникальные растения этого региона. Таким образом, «Кентавр» вместил в себя исамобытность жизни казахов, и общечеловеческие проблемы – прежде всего проблемы экологического толка.

В описании появления на свет мальчика-кентавра – получеловека-полуконя присутствуют, синтезируются элементы сказки, мифа и фантастической антропологии, которые тесно переплетаются с реалиями современности: «Похож ли он на чудовище или на змия, он наше дитя, рожденное нами!» – говоря так, ушли они прочь от людей и скрылись высоко в горах. Со временем так же как вырастает и крепнет все живое в природе, так и детеныш, с человеческим торсом и телом лошади быстро стал на ноги, да так быстро, как если бы он был жеребеночком. Как в сказке рос он не по дням, а по часам: рано заговорил и рано повзрослел... Отец прижимал его как родного сына, мать кормила его, ласково прижимая к сердцу, а брат поднимал его высоко и сажал на плечи. Жил он среди старых скал, в объятиях трех смертных и был скрыт от глаз людских. Но, рос он свободным и вольным» [7, 109]. Лошади особо почитаемы в казахской среде и по сей день, это важная составляющая духовного мира казахов, ядро души кочевника.» В бытовой жизни казахов среди четырех разновидностей домашних животных – Конь всегда ценился выше других и занимал свое особенное главное место» [8, 45]. Возможно, поэтому одним из основных мифологических образов в современной казахской прозе является образ кентавра.

Как и в известном романе американского писателя Дж. Апдайка «Кентавр», казахского писателя интересует ситуация связи и раздельности двух начал в герое, которая сама по себе создает эффект изначальной противоречивости и напряжения. Поэтому история ребенка-кентавра приобретает драматические оттенки. С другой стороны, современная идеология плюрализма и толерантности сталкивается в рассказе с идеологией традиционных сообществ, хранящих свои фундаментальные традиции и враждебно настроенных к любому проявлению инаковости, другости (мальчик в этом случае представляет собой такого Другого).

Мы можем проследить мифологический контекст, проанализировав произведение молодого казахстанского писателя Илья Одегова «Пуруша», получивший в 2011 году диплом IX Международного литературного Волошинского конкурса в номинации «Проза».

Если обратится к энциклопедии, там говорится, что «*Пуруша* (др.-инд. *Púrusa*, букв. «человек») в древнеиндийской мифологии первочеловек, из которого возникли элементы космоса, вселенская душа. Для Пуруши характерны: многочисленность или многосоставность, он тысячеглаз, тысяченог, тысячеглав, большие размеры (он повсюду, со всех сторон покрывает землю, четверть его – все существа, три четверти – бессмертное на небе), власть над бессмертием, свойство «быть родителем своих родителей» (от Пуруши родилась Вираджд, а от нее - Пуруша). Он приносится в жертву богам путем расчленения на составные части, из которых возникают основные элементы социальной и космической организации: рот – брахманы – жрецы; руки – раджаньи или кшатрии – воины; бедра – вайшьи – земледельцы, ноги – шудры – низшее сословие; дух – луна, глаз – солнце, уста – Индра и Агни, дыхание – ветер, пуп – воздушное пространство, голова – небо, ноги – земля, ухо – стороны света и т.д. [9, 445].

Автор выносит в заглавие своего произведения данный мифоним, миф о древнеиндийском Боге-Творце Пуруше.

В современных произведениях И. Одегова «Пуруша» и Г.Г. Гарсия «Сто лет одиночества» масса мифологических параллелей и мотивов, сюжетных линий и мифоподобных ситуаций. Кроме того, Одегов использует древнеиндийскую мифологию, а Маркес соединяет в одном произведении мотивы латино-американского, библейского и античного фольклора, включает в произведения исторические предания и факты, и используемые им очень искусно. Здесь присутствует сочиненный, авторский миф, неомиф. Современные произведения уподобляются мифу по структуре, его внутренней логике, его правилам игры.

В «Алтайской балладе» [10] представлена связь человека и животного (медведя). Думается, что отражая казахскую ментальность, эти писатели, в первую очередь, подчеркнули ее тотемический характер.

Настойчивые поиски новых художественных содержательных форм приводят авторов к созданию «гибридных» произведений, гипертекстовым и метатекстовым структурам, соединению в одном тексте разножанровых и разностилевых элементов: роман-миф, роман-откровение, роман-баллада и др. В современном нелинейном (многоплановом) романном произведении переосмысленный классический миф и фольклорный образ нередко становятся концептуальной основой всего текста энергетической пружиной всего сюжета. Одним из таких произведений в казахской литературе новейшего времени является роман-миф Аскара Алтая «Алтай балладасы».

Созданные Бокеевым и Алтаем литературные авторские мифы, которые служат пружиной сюжета, основаны на национальном казахском фольклоре (имеются в виду казахские сказки «Аюдэу» [11, 89-101], «Аюбала» [12, 86-91] и т.п., в которых повествуется о союзе человека и животного), но налицо и отличия от традиционных, фольклорно-мифологических, интерпретаций союза человека и зверя.

Древний миф в «Алтайской балладе» теряет свою сакральность, здесь нет гармоничного союза человека и животного. А. Алтай иначе трактует древний миф, рождается авторский неомиф. Человек и животное в романе-мифе противопоставлены друг другу. Характерной чертой повествования является детализированное натуралистическое поведение животного, но представленное глазами человека. При этом медведь, помимо инстинктивно-физиологических особенностей, обладает интеллектуальными аналитическими способностями. Происходит психологизация образа зверя в ситуации, когда человек – девушка Булабике – становится навязчивой идеей медведя. Столкновение двух природных феноменов и двух начал (человеческого в животном и животного в человеке) приводит в конечном итоге к гибели главных героев романа – Булабике, Улара и Айкыныра.

Следует отметить, что все три главных персонажа романа-мифа являются природными окружающей биосфере Алтая. Для мифа важна природность, цикличность не только окружающей природы, но и природы человека. Произведение построено на мифо-реалистическом нарративе, этно-социальные условия, топонимика, растительный и животный мир, параллельно с волшебным миром органично переплетаются в тексте. Следовательно, создается впечатление максимального реализма.

Любое мифособытие – это прецедент, это необычный случай. В данном случае это «любовный треугольник», в котором третье лицо является зверем. Тотемическая кодовая система организует задействованные писателем традиционные мифологические оппозиции – женщина/мужчина, человек/животное, жизнь/смерть, зима-лето и другие [13, 220].

Как отмечают почти все исследователи мифологизма в литературе, это – повторы. Это лексические, то есть повторы слов, фраз, концовок, что является типичным для фольклорных форм литературы, в том числе и мифа, где повтор является одним из средств воздействия на читателя. То есть «рифмуя» текст для лучшего запоминания. Вот, что пишет по поводу повторов В.Е. Хализев: «Без повторов и их подобий («полуповторы», вариации, дополняющие и уточняющие напоминания об уже сказанном) словесное искусство непредставимо. Эта группа композиционных приемов служит выделению и акцентированию наиболее важных, особенно значимых моментов и звеньев предметно-речевой ткани произведения. Всякого рода возвраты к уже обозначенному выполняют в составе художественного целого роль, подобную той, что принадлежит курсиву и разрядке в напечатанном тексте» [14, 165]. Подлинно мифологичным повтор становится тогда, когда связан с категорией времени. Когда повторяя несколько раз событие смешивает прошлое, настоящее и будущее. Повторяемость, цикличность событий и ситуаций выводит их из конкретного исторического времени в «бездвременный мир мифа» (Е.М.Мелетинский). Согласно Достоевскому: «Фантастическое должно до того соприкоснуться с реальностью, что Вы должны почти поверить ему» [15, 66].

Мифологизм современной литературы – это и активное использование ее моделей, структуры, схем, мотивов. Космогонические мифы присутствуют, например, у Г.Маркеса – селение Макондо, в

происхождении мира у И.Одегова. Вспомним цыгана Мелькиадеса у Г.Маркеса. Это своего рода герой-трикстер, демиург который привносит новейшие изобретения цивилизации в их деревню: подзорную трубу, уничтожающую расстояние, искусственный лед и т.д.

Вся история семьи Буэндия в романе «Сто лет одиночество» – это «вращающееся колесо» [16, 258]. С разной содержательной нагрузкой, весь сюжет возвращается к одному и тому же мифу.

В.П. Руднев пишет, что «чрезвычайно характерным является то, что в роли мифа, «подсвечивающего» сюжет, начинает выступать не только мифология в узком смысле, но и исторические предания, бытовая мифология... Текст пропитывается аллюзиями и реминисценциями. И здесь происходит самое главное: художественный текст XX в. сам начинает уподобляться мифу по своей структуре. Основными чертами этой структуры являются циклическое время, игра на стыке между иллюзией и реальностью, уподобление языка художественного текста мифологическому предъязыку с его «многозначительным косноязычием». Мифологические двойники, трикстеры-посредники, боги и героини заселяют мировую литературу – иногда под видом обыкновенных сельских жителей. Порой писатель придумывает свою оригинальную мифологию, обладающую чертами мифологии традиционной...» [17, 185].

Подводя итог вышесказанному, сделаем краткий вывод, что мифологические произведения, несомненно, вносят огромный вклад в популяризацию народных традиций, обычаев и наследия. Если говорить, что мифы – это в целом наука, применяемый в них язык помогает иметь представление о тогдешнем обществе и национальном самосознании. В мифологическое вовлекается все, что не подвластно рациональному восприятию: культура, история, космос, сама личность. Обращение к мифу подразумевало тесную связь между природой и человеком, прошлым и будущим, сознательным и бессознательным. Согласно утверждению Ф. Ницше «Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы... Все силы фантазии и аполоновских грез только мифом спасаются от бесцельного блуждания» [18, 154].

Литература

1. Телегин С.М. Философия мифа. Введение в метод мифореставрации. – М.: Община, 1994. – 144 с.
2. Левченко В.Г. Чингиз Айтматов. М.: Сов. писатель, 1983. – 232 с.
3. Юнг К.Г. Архетип и символ. Пер. с нем. М.: Ренессанс, 1991. 299с.
4. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – Москва. - Академический проект; Мир, 2012. – 331 с.
5. Гумилев Л. Көне түріктер. – Алматы: Білім, 1994. – 480 б.
6. Хайтун Д.Е. Тотемизм, его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958.
7. Алтай А. Казино. Абсурд элем новелласы. – Алматы: Атамұра, 2008. – 368 бет.
8. Культ коня у казахов / А. Токтабай; Институт археологии им. А.Маргулана.– Алматы: КазИздат-КТ, 2004. – 124 с.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия. Том 1. А-К./Гл.ред. С.А.Токарев. М., Советская энциклопедия, 1987.
10. Алтай А. Алтай новелласы: Роман-миф, повесть-притча, новелла. – Алматы: «Өлке» баспасы, 2001 – 292 бет.
11. Қазақ халық әдебиеті: Көп томдық / ҚазССР Ғылым академиясы М.О.Әуезов атындағы әдебиет және өнер ин-ты. – Алматы: Жазушы, 1986. – Ертегілер. / Жауапты шығарушы А. Айдашев 1989. – 304 бет, суретті. с. 89-101.
12. Қазақ ертегілері. - Алматы. Жазушы. Т.1: Қиял-мифтік ертегілер - 2000. - 272 бет. с.86-91.
13. Алтыбаева С.М., Жанысбекова Э. «Казахский роман-миф: семантика, структура, «нарративный каркас» «ҚР Ұлттық ғылым академиясының хабарлары. Қоғамдық және гуманитарлық ғаламдар сериясы 1(305). – 2016. –С. 217-222.
14. Хализев В.Е. Теория литературы. Учеб. 2-е изд. - М.: Высш. шк., 2000. – 398 с.
15. Достоевский Ф.М. Письма. М., Л.: Гос. Изд-во, 1928-1959. Т.4. 606 с.
16. Маркес Г. Избранное: Пер. с исп. М.: Прогресс, 1979. 588 с.
17. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
18. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Соч.: в 2 т. – Литературные памятники / Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. Т.1. – 829 с.

Г.А. Таирова	
РУССКИЕ ИЗДАНИЯ РОМАНА Ч.ДИККЕНСА «ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКССКОГО КЛУБА» (ИЗ ИСТОРИИ АНГЛО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ)	113
А.Д. Тажибаева	
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ЭТНОГРАФИЗМОВ В РАССКАЗЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА «ЖЕНА КОРОЛЯ»	117
Ж.Д. Тажибаева	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	119
Р.К. Toksanbayeva, К.К. Kenzhekanova	
THE ROLE OF EUPHEMISMS IN SOCIAL AND POLITICAL CONTEXTS.....	121
Р.А. Төреханова	
КОНЦЕПТ ҚҰРЫЛЫМЫ ЖӘНЕ ТИПОЛОГИЯСЫ	124
БОЛАШАҚ МҰҒАЛІМДЕР МЕН АУДАРМАШЫЛАРДЫ КӘСІБИ ДАЯРЛАУДЫҢ ТЕОРИЯСЫ МЕН ӘДІСТЕМЕСІ	
А.У. Байшымырова	
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ	127
Г.К. Беккожанова, Р.А. Шаханова	
КОММУНИКАТИВНОСТЬ - НАПРАВЛЕНИЕ МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОСНОВУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ	132
Э.Т. Жанысбекова	
ФИЛОСОФИЯ МИФА И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ПРОЗЫ)	135
Д.С. Икапова	
БОЛАШАҚ АУДАРМАШЫЛАРДЫҢ КОММУНИКАТИВТІК ДАҒДЫЛАРЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУ 140	
Vibimaryam Kaljanova, Umit Kaljanova	
LEXICO-GRAMMATICAL PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ECONOMIC TERMS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION	142
О.А. Куратова, С.В. Новикова	
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА	145
Ш.М. Макагаева	
КОММУНИКАТИВНЫЙ МЕТОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	148
Л.Ж. Мұсалы	
ПРАКТИКАЛЫҚ САБАҚТАРДАҒЫ ЖАЗБАША ЖҰМЫС ТҮРЛЕРІ.....	152
А.Б. Утеуова	
БОЛАШАҚ ШЕТЕЛ ТІЛІ МҰҒАЛІМДЕРІНІҢ КОММУНИКАТИВТІК ҚҰЗЫРЕТТІЛІГІН ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ САНДЫҚ БЕЙНЕКОНТЕНТТЕР	154
М.Н. Хамитова	
КОНСТРУКТИВТІ ОҚЫТУ – ТІЛДІК ТҮЛҒАНЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ.....	157